

Феномен религиозных партий на постсоветском пространстве

Сергей П. Донцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dontsev@gmail.com*

Аннотация. В статье проведен анализ феномена религиозных партий на постсоветском пространстве. Показано, что они формировались либо в форматах исламских партий, либо христианско-демократических. Выделяются государства, которые вводят запрет на создание партий по религиозному признаку, и те, что допускают их существование. Показаны предпосылки появления подобных ограничений. Отдельно анализируется случай Таджикистана, где подходы к возможностям легального существования религиозных партий принципиально менялись. Проанализированы также и другие критерии, связанные с религиозной сферой и ограничивающие деятельность партий (пропаганда религиозной розни и вражды, финансирование партий религиозными структурами и т. д.). Результаты анализа представлены в табл. 1. В статье показано, что исламские и христианско-демократические партии проявляют себя на постсоветском пространстве в качестве оппозиционных. Проанализированы предпосылки и факторы, ценностные основания такой ситуации. Показано, что исламские прото-партии и движения, предлагающие альтернативный проект государственности, могут существовать только в нелегальном формате, а христианско-демократические партии, приобретающие национально-государственную специфику, могут быть как оппозиционными, так и поддерживающими действующую власть в зависимости от ее политического курса. Проанализированы причины институциональной слабости религиозных партий, и сделан вывод об отрицательном результате проектов создания религиозных партий на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: партийные системы, религиозные партии, христианская демократия, исламские партии, государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика, постсоветское пространство

Для цитирования: Донцев С.П. Феномен религиозных партий на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 138–153. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-138-153

The phenomenon of religious parties in the post-Soviet space

Sergei P. Dontsev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dontsev@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the phenomenon of religious parties in the post-Soviet space. It is shown that they were formed either in the formats of Islamic parties or Christian-democratic. There are States that impose a ban on the creation of parties on religious grounds, and those that allow their existence. The prerequisites for the appearance of such restrictions are shown. The article especially analyzes the case of Tadjikistan, where approaches to the possibilities of the legal existence of religious parties have fundamentally changed. Other criteria related to the religious sphere and limiting the activities of parties (propaganda of religious discord and enmity, financing of parties by religious structures, etc.) are also analyzed. The results of the analysis are presented in the summary table 1. The article shows that Islamic and Christian Democratic parties manifest themselves in the post-Soviet space as oppositional. There is an analysis of the prerequisites and factors, the value bases of such a situation. It is shown that Islamic proto-parties and movements offering an alternative project of statehood can exist only in an illegal format, and Christian Democratic parties acquiring national-state specifics can be both oppositional and supporting the current government, depending on its political course. The author also analyzes the reasons for the institutional weakness of religious parties. The conclusion is made about the negative result of projects to create religious parties in the post-Soviet space.

Keywords: party systems, religious parties, Christian democracy, Islamic parties, state-religious relations, religious politics, post-Soviet space

For citation: Dontsev, S.P. “The phenomenon of religious parties in the post-Soviet space”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 138–153, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-138-153

Введение

Классические исследования происхождения партийных систем традиционно уделяют особое внимание религиозному фактору, акцентируя внимание на влиянии церквей и религиозных сект на появление европейских партий и политических ассоциаций в XIX в. [Дюверже 2000, с. 80; Острогорский 1997, с. 79]. Религиозные

организации и само духовенство были непосредственно причастны к созданию как правых христианских и консервативных партий, так и демократических [Дюверже 2000, с. 80]. Во второй половине XX в. интерес к религиозным партиям был обусловлен расцветом христианско-демократического движения в послевоенной Европе, а затем появлением феномена «исламских партий», оказавших существенное влияние на политические процессы во многих государствах с преобладающим мусульманским населением. После обретения независимости все бывшие советские республики провозгласили новые принципы формирования своих политических систем, среди которых была и многопартийность. На фоне процессов десекуляризации и религиозного возрождения в республиках бывшего СССР происходила политизация религиозной сферы, одним из следствий которой было появление религиозных партий. Анализу данного феномена на постсоветском пространстве, из которого традиционно исключаются прибалтийские государства, и посвящена данная статья.

Религиозные партии на постсоветском пространстве формировались либо в форматах исламских партий, либо христианско-демократических. Также заметным явлением стало использование религиозной риторики национал-консервативными партиями, которые могли быть неформально связанными с религиозными структурами. Например, Консервативная партия Грузии рассматривалась экспертами как «ретранслятор идей высших церковных иерархов» [Кирчанов 2014; Какителашвили 2019, с. 108]. Однако для подобных партий религиозная компонента была все же вторичной, а ключевыми ценностями, как правило, являлись идеи нации и государства.

При изучении постсоветских религиозных партий возникает вопрос методологического характера о самой возможности изучения столь разных явлений, как исламские и христианско-демократические партии в рамках одного феномена на фоне порой принципиально разных подходов к проектированию партийных систем в бывших советских республиках. В защиту такой возможности можно привести следующие аргументы: все рассматриваемые страны преодолевали последствия советского секулярного проекта [Узланер 2010], и особенности последующего возвращения религии в публичное пространство имели множественные схожие черты, особенно в вопросах формирования государственной религиозной политики [Малахов, Летняков 2021], кроме того, как будет показано ниже, нормативно-правовое регулирование деятельности религиозных партий также имеет в постсоветских государствах много общего (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная таблица законодательных ограничений на деятельность политических партий по религиозным признакам на постсоветском пространстве

Государство	Конституционный запрет на создание партии по религиозному признаку	Запрет на создание партии по религиозному признаку в профиле законодательстве	Запрет на религиозные признаки в названии партии	Запрет на указание преемственности какой-либо религии	Запрет на пропаганду религиозной вражды, дискриминацию или унижение религиозных чувств и символов	Запрет на получение партиями финансирования от религиозных организаций
Азербайджан	-	-	+	-	+	+
Армения	-	-	-	-	-	+
Белоруссия	-	-	-	+	+	+
Грузия	-	-	-	-	+	+
Казахстан	+	+	+	-	+	+
Киргизия	+	+			+	+
Молдавия	-		-		+	+
Россия	-	+	+		+	+
Таджикистан	+	+			+	+
Туркменистан	+	+	-	-	+	+
Узбекистан	+	+			+	+
Украина	-				+	+

Безусловно, изучение феномена религиозных партий также осложняется неопределенностью дефиниций этого понятия и различными подходами к выделению ключевых его признаков. Ситуация усугубляется также и тем, что изучение отдельных разновидностей религиозных партий (в первую очередь христианско-демократических и исламских) становится самостоятельным направлением исследований, и их концептуализация происходит исходя из особенностей проявления данного феномена в условиях конкретной религиозной традиции [Кудряшова, Козинцев 2021].

Партии, созданные непосредственно религиозными организациями, а это, безусловно, самый очевидный признак религиозной партии, в постсоветских государствах отсутствуют. Следовательно, религиозные партии могут вычлняться исключительно по наличию религиозной составляющей в названии, уставах и программах. При этом упоминание религиозных ценностей и наличие повестки, связанной с изменением религиозной политики государства, не превращает партию автоматически в религиозную, важно, чтобы эта повестка была доминирующей.

Партии, которые относятся к религиозным, помимо определяющих «маркеров» в своих названиях, выступают за усиление роли религиозных ценностей в общественной жизни. Их конкретизация может быть различной: от декларирования внеконфессиональных религиозных ценностей в политике до требований присутствия конкретной религиозной организации в армии и системе государственного образования. Для исламских партий исследователи также в качестве характерных черт выделяют требования подчинения законодательства принципам шариата, построение исламского государства, проповедь всемусульманской солидарности и следование исламскому пути развития [Сапронова 2018, с. 30–33].

Политика ограничений

Во всех постсоветских государствах приняты профильные законы («О политических партиях», «О политических объединениях»), жестко формализующие понятие «политическая партия». Общественно-политические структуры, претендующие на подобный статус, должны обладать государственной регистрацией и соответствовать определенным критериям, связанным, как правило, с численностью, региональным представительством, составом учредителей. Несоответствие данным критериям ведет к невозможности регистрации или ликвидации партий. И если даже такие партии сохраняются в незарегистрированном статусе и оставляют в своем названии слово «партия», то с точки зрения государства

они партиями не являются. То же самое касается и запрещенных партий, лишенных государственной регистрации.

Среди законодательных ограничений на деятельность политических партий (а таковые есть во всех постсоветских государствах) рассмотрим те, что связаны с религиозной сферой. Заметим, что все постсоветские законы о партиях так или иначе ее затрагивают (см. табл. 1).

В самом общем виде все государства можно разделить на те, что вводят запрет на создание партий по религиозному признаку, и те, что допускают их существование. Запреты существуют в России, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане. В данных государствах не допускается создание политических партий по признакам религиозной принадлежности граждан. Причем во всех перечисленных государствах, кроме России, данный запрет является конституционным и отражен в отдельных статьях конституций, посвященных деятельности политических партий. Одновременно данные запреты дублируются и в профильных законах. В России же ограничения не имеют характера конституционной нормы, но присутствуют в принятом в 2001 г. законе «О политических партиях», причем российский закон – единственный на постсоветском пространстве, где конкретизируется, что именно является признаком религиозной принадлежности (указание в уставе и программе политической партии целей защиты религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии¹). В Казахстане также действует отдельный запрет на религиозные признаки в названии партий². К группе стран, запрещающих создание религиозных партий, примыкает также Азербайджан. Здесь формальный запрет на создание партии по религиозным признакам отсутствует, но законодательно запрещены в названиях ссылки на религиозные признаки³, что фактически является механизмом недопущения создания религиозных партий. Отдельный запрет на религиозные признаки в названии партии также присутствует в России и Казахстане.

¹См.: Федеральный закон № 95-ФЗ от 11.07.2001 «О политических партиях». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991&ysclid=lgmlbibnr4304507475> (дата обращения 20.05.2023).

²См.: Закон Республики Казахстан № 344-III от 15.07.2002 «О политических партиях». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1032141&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения 20.05.2023).

³См.: Закон Азербайджанской Республики № 693-VIQ от 16.12.2022 «О политических партиях». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37724382 (дата обращения 20.05.2023).

Характерно, что во всех государствах, где существует конституционный запрет на создание религиозных партий (кроме Таджикистана), данная норма появилась в самых первых редакциях Конституций, принятых в начале 1990-х гг., и в дальнейшем не претерпевала изменений. И даже в тех государствах, где происходили серьезные режимные трансформации (как например, в Киргизии, где институциональные реформы меняли политическую систему в направлении парламентаризации [Борисов 2018, с. 105]), запрещающие религиозные партии нормы сохранились в обновленных конституциях в том же виде, в каком были и раньше.

Особая ситуация наблюдалась в Таджикистане, где возможности легального существования религиозных политических партий радикально пересматривались (в 1999 и 2016 гг.). Как отмечали многие исследователи, исламский фактор был определяющим в гражданской войне 1992–1997 гг. [Халид 2010, с. 208–213]. В Объединенной таджикской оппозиции ключевую роль играла Партия исламского возрождения Таджикистана, а ее лидер А. Саидов стал председателем Комиссии по национальному примирению и подписал мирное соглашение, завершившее окончание гражданской войны. Одним из результатов мирного урегулирования стала политическая реформа и легализация религиозных партий, и в первую очередь Партии исламского возрождения Таджикистана. В 1998 г. в парламенте – Высшем Собрании Таджикистана – обсуждался законопроект «О политических партиях», и тогда депутаты поддержали запрет на создание религиозных партий. Учитывая резко отрицательную реакцию Объединенной таджикской оппозиции, президент Э. Рахмон наложил на закон вето и отправил его на доработку «во имя мира и национального согласия» [Абдуллоев 2013, с. 228]. А уже в 1999 г. по результатам первого конституционного референдума в Конституции Таджикистана появилась статья 28, в которой говорилось о праве граждан участвовать в создании политических партий, имеющих в том числе «религиозный и атеистический характер»⁴. Таким образом, Таджикистан стал первым и единственным государством постсоветского пространства, законодательно закрепившим возможность создания религиозных партий, а Партия исламского возрождения Таджикистана стала единственной исламской партией, представленной в парламентах постсоветских государств. Однако затем политическая ситуация стала меняться. Центральная власть достаточно окрепла для

⁴Конституция Республики Таджикистан (в редакции, принятой на референдуме 26 сентября 1999 г.). URL: <https://prokuratura.tj/ru/legislation/the-constitution-of-the-republic-of-tajikistan.html> (дата обращения 20.05.2023).

того, чтобы взять курс на выдавливание исламской оппозиции из легального политического пространства. Этому способствовал и тот факт, что Партия исламского возрождения Таджикистана показывала на всем протяжении своего легального существования довольно скромные электоральные результаты (правда, в условиях непрекращающегося давления со стороны власти), получая на трех парламентских выборах (2000, 2005, 2010 гг.) всего по два депутатских мандата, а в 2015 г. не смогла даже преодолеть 5%-ный барьер. В этом же году партия была обвинена в попытке государственного переворота и запрещена. Логическим завершением этих процессов стало очередное масштабное обновление Конституции Таджикистана в 2016 г. В числе 72 поправок были и те, что принципиально меняли принципы функционирования партийной системы, в том числе и вводили запрет на создание и деятельность религиозных партий⁵. В результате в Таджикистане исчезли возможности существования институализированной исламской оппозиции. Отмечалось, что данный запрет также обуславливался необходимостью пресечения влияния транснациональных партий и движений экстремистского толка (Хизб ут-Тахрир, Талибан), деятельность которых представляла угрозу национальной безопасности в республике [Диноршоев 2016, с. 18]. Таким образом Таджикистан продемонстрировал исключительный на постсоветском пространстве случай ситуативного изменения условий легального существования религиозных партий, обусловленных динамикой политического процесса.

Остальные государства, кроме вышеперечисленных, допускают создание религиозных партий. Отдельные ограничения могут существовать, но они оказываются довольно мягкими. В Молдове, например, наименование и символика партий не должны воспроизводить или сочетаться с символикой религиозных культов⁶, что не мешает существованию в стране христианско-демократических партий.

Существует еще ряд критериев, ограничивающих деятельность партий, и при этом связанных с религиозной сферой, но они характерны и для государств, допускающих создание религиозных

⁵См.: Конституция Республики Таджикистан (с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 г.). Ст. 8. URL: www.prezident.tj/ru/taxonomy/term/5/112 (дата обращения 20.05.2023).

⁶См.: Закон № 294 от 21.12.2007 «О политических партиях в Республике Молдова». URL: https://lege.md/ru/act/o_politicheskikh_partiyah (дата обращения 20.05.2023).

партий и запрещающих их. Отметим, что законодательство о политических партиях могло существенно меняться, снижались или повышались регистрационные барьеры и требования к партиям, но религиозная компонента, появившись в самых первых редакциях профильных законов, оставалась, как правило, неизменной.

В регулирующих партийные системы законах всех постсоветских государств (кроме Армении) существуют запреты на создание и деятельность политических партий в целях пропаганды религиозной розни и вражды, оскорбляющие религиозные чувства или дискриминирующие по религиозному признаку. В Туркменистане в названиях политических партий запрещены слова, унижающие религиозные чувства и символы⁷, а в Беларуси запрещено указывать в уставе, программе, названии партий на превосходство какой-либо религии⁸.

В ряде государств отдельно акцентируется запрет на ограничение членства в партии по признакам религиозной принадлежности (Беларусь, Грузия, Казахстан, Россия).

Также практически все постсоветские государства (за исключением Киргизии) объединяет наличие законодательных ограничений на финансирование политических партий религиозными организациями. Отдельные законодательные нормы устанавливают запреты на получение денежных средств от религиозных организаций, а в Армении, Беларуси, России, Туркменистане отдельно подчеркивается запрет на финансирование от структур, учрежденных религиозными организациями. В Узбекистане в профильном законе от 1996 г. «О политических партиях» о запрете финансирования партий религиозными организациями ничего не говорится, однако в принятом в 2004 г. специальном законе «О финансировании политических партий» данный запрет появился⁹. В ряде государств есть определенная специфика данных ограничений, но она не меняет принципиальный запрет на финансирование. Так, в Молдове

⁷См.: Закон Туркменистана от № 254-IV 10 января 2012 г. «О политических партиях» (редакции Законов Туркменистана от 16.08.2014 г., 20.10.2018 г.). URL: www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/16478/zakon-turkmenistana-%3Cbr%3E-o-politicheskikh-partiyakh (дата обращения 20.05.2023).

⁸См.: Закон Республики Беларусь № 3266-XII от 5 октября 1994 г. «О политических партиях» (с изм. и доп.) URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19403266> (дата обращения 20.05.2023).

⁹См.: Закон Республики Узбекистан № 617-II от 30.04.2004 г. «О финансировании политических партий». URL: <https://lex.uz/docs/168377> (дата обращения 20.05.2023).

запрещается даже предоставление партиям бесплатных услуг от религиозных организаций¹⁰, а в Грузии делается исключение для средств, полученных в результате проведения лекций, семинаров и других подобных публичных мероприятий¹¹. Наличие подобных запретов свидетельствует о схожем векторе религиозной политики, направленной на недопущение появления политической субъектности у религиозных организаций. В тех странах, где существует запрет на религиозные партии, ограничение финансирования позволяет исключить ситуации его обхода, когда партия, не являясь формально религиозной, тем не менее оказывается связанной с конкретной религиозной организацией.

Религиозная оппозиция

Особенность существования религиозных партий на постсоветском пространстве состоит также в том, что многие из них являются оппозиционными. И это касается как исламских партий, так и христианско-демократических.

В государствах центральной Азии после распада Советского Союза именно ислам и исламские настроения стали активно влиять на различные оппозиционные движения, принимавшие самые разные формы – от тайных обществ до организованных структур, пытавшихся легализоваться в формате партий [Халид 2010, с. 199–235], задавая тем самым вектор противостояния: религиозный фундаментализм – светский авторитаризм. Безусловно, так называемые светские режимы пытались также использовать религиозный фактор в своих интересах, но это был именно инструменталистский подход. Ислам здесь рассматривался исключительно как элемент национально-культурной идентичности, что вкупе с созданием централизованных и во многом зависимых от государства структур религиозного управления, а также запретом религиозных партий делало фактически невозможным реализацию исламскими движениями сколь-либо заметной политической субъектности. И даже Таджикистан, где, как было сказано выше, был период легального существования исламских партий и где оппозиция смогла объеди-

¹⁰ См.: Закон № 294 от 21.12.2007 г. «О политических партиях в Республике Молдова». URL: https://lege.md/ru/act/o_politicheskikh_partiyah (дата обращения 20.05.2023).

¹¹ См.: Органический закон Грузии № 1028 от 31 октября 1997 г. «О политических объединениях граждан». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/28324?publication=39> (дата обращения 20.05.2023).

нить такие, казалось бы, разные в своих ценностных основаниях группы, как демократы и исламисты, в итоге пришел к той же модели государственно-религиозных отношений, что и у его соседей: запрет религиозных партий и политика ограничений на проявления исламской политической субъектности. В итоге исламские протопартии и движения, предлагающие альтернативный проект государственности, основанной на исламских ценностях, пока могут существовать в государствах Средней Азии, Азербайджане и России только в нелегальном формате.

В странах же, где ислам не является доминирующей религией, религиозные партии, как было сказано выше, создавались в первую очередь в формате христианско-демократического движения, приобретавшего национальную специфику (в России до законодательного запрета религиозных партий существовали и исламские, и христианско-демократические партии). Особенность христианско-демократических партий постсоветских государств состоит в том, что они, как правило, декларируют приверженность западному, евро-атлантическому выбору, вступлению страны в НАТО (Консервативно-Христианская партия – БНФ в Беларуси, Христианско-демократическое движение в Грузии, Христианско-демократический союз на Украине и др.). Такие партии также выступают за сильное национальное государство, развитие национальной культуры, негативно оценивают советский период истории (Консервативно-Христианская партия – БНФ – в Беларуси, Христианско-демократическое движение в Грузии), а в наиболее радикальных вариантах – борются против «российского империализма и колониализма» и даже выступают за создание автокефальных, независимых от Московского патриархата православных церквей¹². И если ранняя христианская демократия в постсоветских государствах (в том числе и в России) начала – середины 1990-х гг. больше апеллировала к опыту европейской послевоенной христианской демократии, пытаясь (в основном безуспешно) популяризовать демократические идеалы, совмещенные с христианскими ценностями (интерпретируемыми внеконфессионально), то затем ценностные основания политических программ таких партий стали смещаться к умеренному национализму, уделяя все больше внимания национальной идее с религиозной составляющей. В тех же случаях, когда к этому добавлялся евро-атлантический дискурс, такие партии закономерно становились либо оппозиционными (в тех странах,

¹² См.: Праграма Кансерватыўна-Хрысціянскай партыі – БНФ (Партыі БНФ). URL: <http://www.narodnaja-partyja.org/03--Pragramy--fr--pg> (дата обращения 20.05.2023).

где это шло вразрез с государственной политикой), либо, наоборот, поддерживали власть, которая провозглашала европейский вектор развития. Так, в Беларуси Консервативно-Христианская партия – БНФ, образовавшаяся в 1999 г. в результате раскола оппозиционного Белорусского Народного фронта и считающая себя его правопреемницей, находится в оппозиции к А. Лукашенко, а партия «Белорусская христианская демократия», также имеющая радикально-оппозиционную повестку, несмотря на многочисленные попытки легализоваться, так и не имеет государственной регистрации. Противоположная картина наблюдается на Украине, где в составе христианско-демократического движения с самого начала его зарождения заметно присутствовали национально-ориентированные партии (например, Христианско-демократический фронт, преобразовавшийся в Украинскую христианско-демократическую партию). Многие из христианско-демократических партий Украины выступают за европейский курс развития страны, поддерживают идеи интеграции с Европейским союзом, вступление в НАТО и т. п.

Институциональная слабость

Наиболее жесткие ограничения на деятельность религиозных партий возникали именно в тех странах, где была высокая вероятность политизации религии, превращения ее в инструмент политической борьбы, там, где актуализация религиозного фактора могла рассматриваться как угроза национальной безопасности. В силу того, что религиозный экстремизм на постсоветском пространстве наиболее заметно себе проявляет в форме исламского экстремизма, то закономерно, что именно в странах Средней Азии, Азербайджане и России появились формальные запреты на деятельность религиозных партий. В странах, где в начале 1990-х гг. религиозное возрождение и процесс политизации религии проходили наиболее ярко (в первую очередь, в Узбекистане и Таджикистане), действующие политические элиты стали использовать религиозный фактор для идеологического противостояния с оппонентами, не допуская, чтобы религия превращалась в потенциальный инструмент оппозиции [Малашенко 98, с. 76]. Власть перехватывала религиозную повестку у религиозных партий, превращая ее в инструмент укрепления национально-государственной идентичности, и последовательно выводила религиозные партии из легального политического пространства. Случай Таджикистана иллюстрирует тезис о том, что в условиях существования сильной оппозиции, мобилирующей по религиозному признаку, государство вынуждено идти на компро-

миссные варианты, допускающие создание религиозных партий, но ровно до тех пор, пока оппозиция обладает политической субъектностью.

Кудряшова и Козинцев отмечают, что исламские партии выполняют функцию институциональных посредников между политической и религиозной системами коммуникации, дифференцируя исламские ценности и обеспечивая их сочетание с возникшими в процессе модернизации институтами национального государства [Кудряшова, Козинцев 2021]. Если вместо «исламских ценностей» использовать более широкое понятие «религиозные ценности», то данную функциональную характеристику можно рассматривать как особую черту всех религиозных партий, а не только исламских. Другой вопрос, насколько такая коммуникативная функция будет востребована. Слабость религиозных партий постсоветского пространства показывает, что в условиях, когда политическое заведомо довлеет над религиозным, институциональный коммуникатор в виде партий становится если не излишним, то по крайней мере не обязательным. Особенно в тех случаях, когда партии не в полной мере выполняют функции агрегации и артикуляции интересов своих избирателей и функционируют «формально», что также является одной из особенностей партийных систем многих государств постсоветского пространства [Political parties in post-Soviet space 2005, pp. 41 50].

В странах, где функционирование религиозных партий допускается, их политическая субъектность проявляется преимущественно в рамках христианско-демократического движения. Но и здесь она имеет очень ограниченный характер. В России несостоятельность христианско-демократического движения (которая наблюдалась задолго до формального запрета религиозных партий) объяснялась отсутствием христианско-демократической политической традиции и собственной идеологии, учитывающей специфические национально-государственные особенности, отсутствием социальной базы и поддержки со стороны главенствующей церкви [Щипков 2004]. Эти же факторы влияли и на слабость христианско-демократических партий в других постсоветских государствах. Если же в программах таких партий становилась заметна национально-государственная составляющая, то они, размывая свою религиозную специфику, все равно оставались неконкурентными по сравнению с традиционными государственно-ориентированными национальными партиями.

Таким образом, несмотря на разную совокупность причин, различный политический и правовой контекст, результат реализации политических проектов создания религиозных партий во

всех постсоветских государствах оказался отрицательным – религиозные партии либо запрещены, либо не обладают сколь-либо значимой политической субъектностью. Ответ на вопрос, могут ли подобные проекты быть актуализированы, зависит во многом от востребованности обществом упомянутой выше коммуникативной функции религиозных партий, усиления тенденций политизации религии и наличия соответствующей воли действующих политических акторов.

Литература

- Абдуллоев 2013 – *Абдуллоев И.Р.* Из истории реформирования политической системы в Таджикистане // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 3 (55). С. 224–232.
- Борисов 2018 – *Борисов Н.А.* Парламентаризация форм правления в постсоветских государствах: причины и следствия // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 93–110.
- Диноршоев 2016 – *Диноршоев А.* Конституционно-правовой обзор изменений 2016 года в конституцию Республики Таджикистан // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6 (115). С. 14–20.
- Дюверже 2000 – *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2000. 538 с.
- Кирчанов 2014 – *Кирчанов М.В.* Религиозные партии в Грузии: политические платформы и идеологические трансформации // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 2. С. 106–113.
- Какителашвили 2019 – *Какителашвили М.* Мониторинг правовой модели многопартийности в государствах-участниках СНГ // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 16–24.
- Кудряшова, Козинцев 2021 – *Кудряшова И.В., Козинцев А.С.* Исламские партии между небесным и земным: трансформация понятия «партия» в мусульманском политическом дискурсе // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2021. № 4 (103). С. 63–80.
- Малахов, Летняков 2021 – *Малахов В.С., Летняков Д.Э.* Религиозная политика постсоветских государств: между «эффектом колена» и «правительностью» // Полис: Политические исследования. 2021. № 4. С. 163–175.
- Малашенко 1998 – Ислам в СНГ / Отв. ред. А.В. Малашенко. М.: ИВ РАН, 1998. 176 с.
- Острогорский 1997 – *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
- Сапронова 2018 – *Сапронова М.А.* Исламские партии и государство // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11. С. 30–33.

- Узланер 2010 – *Узланер Д.А.* Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69.
- Халид 2010 – *Халид А.* Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.
- Щипков 2004 – *Щипков А.В.* Христианская демократия в России. М.: Ключ-С, 2004. 120 с.
- Political parties in post-Soviet space 2005 – Political parties in post-Soviet space. Russia, Belarus, Ukraine, Moldova, and the Baltics / Ed. by A. Kulik, S. Pshizova. Westport; L.: Praeger, 2005. 271 p.

References

- Abdulloev, I.R. (2013), “From the history of reforming the political system in Tajikistan”, *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*, vol. 55, no. 3, pp. 224–232.
- Borisov, N.A. (2018), “Parliamentarization of government management forms in the post-Soviet states. The causes and consequences”, *RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”*, vol. 13, no. 3, pp. 93–110.
- Dinorshoev, A. (2016), “Constitutional and legal review of the 2016 amendments to the Constitution of the Republic of Tajikistan”, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 115, no. 6, pp. 14–20.
- Duverger, M. (2000), *Politicheskie partii* [Political parties], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Kirchanov, M.V. (2014), “Religious parties in Georgia. Political platforms and ideological transformations”, *Central Asia and the Caucasus*, no. 2, pp. 106–113.
- Kakitelashvili, M. (2019), “Monitoring the legal model of multiparty system in the CIS member States”, *Monitoring pravoprimeneniya*, vol. 30, no. 1, pp. 16–24.
- Kudryashova, I.V. and Kozintsev, A.S. (2021), “Islamic parties between sacred and profane. Transformation of the concept of party in the Muslim political discourse”, *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, vol. 103, no. 4, pp. 63–80.
- Malakhov, V.S. and Letnyakov, D.E. (2021), “Religious politics of post-Soviet states. Between path dependence and governmentality”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 163–175.
- Malashenko, A.V. (ed.) (1998), *Islam v SNG* [Islam in the CIS], Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk, Moscow, Russia.
- Ostrogorskii, M.Ya. (1997), *Demokratiya i politicheskie partii* [Democracy and political parties], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Sapronova, M.A. (2018), “Islamic parties and the state”, *Asia and Africa today*, no. 11, pp. 30–33.
- Uzlaner, D.A. (2010), “The Soviet model of secularization”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 62–69.

- Khalid, A. (2010), *Islam posle kommunizma: religiya i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam after communism. Religion and politics in Central Asia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Shchipkov, A.V. (2004), *Khristianskaya demokratiya v Rossii* [Christian democracy in Russia], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Kulik, A. and Pshizova, S. (eds.) (2005), *Political parties in post-Soviet space. Russia, Belarus, Ukraine, Moldova, and the Baltics*, Praeger, Westport, USA, London, UK.

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dontsev@gmail.com